ВЕРА ТАЛЬНИКОВА

Развод в 39.
Начну всё сначала

БЕЛЫЕ СКАЛЫ / 1

Вера Тальникова

Развод в 39. Начну всё сначала

https://litres.ru/75048349
SelfPub; 2026

Аннотация

За несколько часов до поезда на море Лена узнаёт, что у мужа уже семь месяцев другая женщина. Она вынимает из чемодана его синюю рубашку. Свою половину отпуска она, пожалуй, использует. В Белых Скалах мамина подруга просит подшить штору. За первым заказом приходит второй, и вскоре Лена снимает мастерскую по соседству с Ильёй. Он чинит мебель, растит дочь и ищет заказы на зиму. К зиме у Лены свои клиенты, своя мастерская и мужчина, у которого хочется остаться до утра. Но когда гостиница предлагает им большой заказ, Илья обещает за двоих. Ещё полгода назад Лена молча села бы за машинку. Что она скажет теперь?

Содержание

Глава 1. Билет на двоих 4
Глава 2. Обратный билет 14
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Вера Тальникова
Развод в 39.
Начну всё сначала

Глава 1. Билет на двоих

Утром я положила в чемодан два купальника, утюг размером с ладонь и Денисову синюю рубашку. Рубашку я гладила вечером, пока Денис по телефону объяснял кому-то со склада, что слово «отгружено» означает «уехало», а не «мы собираемся». В этом он был хорош. Люди редко переспрашивали его, что им теперь делать.

— Проверь, пожалуйста, вагон, — попросил он из кухни. — Не хочу опять бежать с хвоста.

Его телефон лежал на тумбочке, рядом с моим. Я потянулась к своему, и тут у Дениса засветился экран.

Марина: Скажи Лене сегодня. Я больше не могу по четвергам.

Я успела прочитать дважды, потому что сначала решила, будто речь о доставке. По четвергам у нас привозили воду. В августе мы дважды меняли время, я оставляла наличные под сахарницей, Денис забирал бутыли у курьера. Я даже подумала, что можно поставить доставку на пятницу.

Он вошёл с кофейной чашкой. На рукаве серой футболки у плеча белело пятнышко от зубной пасты.

— Девятый? — сказал он.

— Кто такая Марина?

Он поставил чашку на шкаф. Я сперва заметила мокрый круг на лаке, потом посмотрела Денису в лицо. Восемнадцать лет мы покупали подставки под чашки. В доме было шесть подставок, одна лучше другой.

— Лена.

— Я могу спросить у неё. Она же тебе только что написала.

Он взял телефон. Экран погас. Денис обвёл взглядом верх шкафа и полки, словно потерял что-то и надеялся найти, пока я не спрошу ещё раз.

— Ты её знаешь. С работы, с прежней. Она приходила к нам на юбилей склада.

— Что ты должен сказать мне сегодня?

Я надеялась, что он предложит объяснение, над которым мы потом сможем смеяться. Было бы неловко, потому что я уже думала самое дурное, но я бы извинилась. Завтрак бы остыл. Мы бы всё равно успели на поезд.

— Мы встречаемся, — сказал он. — Я хотел поговорить после отпуска.

До кровати было два шага. Я села на пол, где стояла. Чемодан раскрывался пополам, одна створка упиралась в моё колено.

— Сколько?

— С февраля.

В феврале я заболела гриппом. Денис купил мне йогурт с персиком, хотя я люблю вишнёвый, и принёс в постель вместе с чайной ложкой. За окном было так темно, что я уснула часа на три и проснулась с этой ложкой в руке. Ему я тогда сказала, что он лучший человек на земле. От температуры. Но и без температуры я могла так сказать.

— Это что-то серьёзное? — спросила я.

Он провёл пальцем по боковой грани телефона.

— Я не знаю.

— Семь месяцев?

— Не каждую неделю.

Мне захотелось его ударить. Вместо этого я вытащила из чемодана рубашку. Она развернулась у меня на коленях, шов на плече был ровный, английский, две строчки шли почти в одну. Я сунула рубашку ему в руки.

— Где?

— Что где?

— Где вы встречались?

Месяц спустя, когда я вернулась в Тверь за вещами, я дважды обогнула наше кафе с сырниками. А ведь он так и не сказал, бывали они там или нет.

— Я не хочу тебе делать ещё больнее, — сказал он.

— Ты мне про заботу сейчас не объясняй.

Он сел на кровать. Пружины в нашем матрасе отклика-

лись всякий раз, когда кто-нибудь садился слева. Я собиралась позвонить в магазин по гарантии ещё в июне.

— Так вышло, — сказал он, и я подняла на него глаза. — Нет. Господи. Я слышу, как это звучит. Просто сначала мне действительно казалось, что это на один раз. Потом проще было не трогать ничего дома. Ты в последнее время так уставала.

Я встала. На носке была дырочка, и большой палец вылез в неё как раз сейчас. Меня это почему-то страшно рассердило. Я стащила оба носка, запихнула в корзину с бельём и пошла босиком на кухню. В миске лежало тесто для оладий. Я залила его водой. Жалко было яиц, два нормальных яйца.

В прихожей звякнули ключи. Соня пришла за наушниками перед парой. С сентября она таскала с собой чужой микрофон в сером футляре, потому что в их театральной студии каждый хотел его держать у себя, а платить за него в случае чего не хотел никто. Свою тяжёлую сумку она поставила между нами, прямо в кухонном проходе.

— Вопрос на сто рублей. Кто трогал чёрные наушники?

— На зарядке у тебя за кроватью, — сказала я.

Она посмотрела на меня, потом на отца. Денис так и стоял с рубашкой в руке. Ещё вчера я бы сказала дочери, что папа плохо спал или у нас проблемы с билетами. Можно было гулять вокруг слова «проблемы» довольно долго. Я выключила воду.

— Мы с папой сейчас выясняем кое-что неприятное. Тебе

в восемь сорок?

— В девять. Вы поругались?

— Да, — сказал Денис.

— Побудешь минуту? — спросила я у неё. — Я тебе сама скажу, если что-то изменится. Пока всё, что касается тебя, как было.

Соня осталась на пороге. У самого уха виднелась фиолетовая полоска. В девятнадцать лет она красила волосы без моей помощи, а отмывать уши всё ещё забывала.

— Вы обещали захватить посылку к тёте Рае. Она на табуретке, — сказала Соня.

— Захвачу.

Она сходила за наушниками. Из прихожей крикнула «до вечера» и притворила дверь так осторожно, что язычок замка не зашёл в паз. Она потянула ещё раз. Мы с Денисом стояли и слушали.

— Ты ей расскажешь? — спросил он.

— Если мы разъедемся, нам придётся сказать, что разъехались. Что из остального ей нужно знать, я подумаю.

— Разъедемся?

Он произнёс это с таким удивлением, что я чуть не стала его утешать. Представила завтрашний вечер дома. Скрежет колёс во дворе. Его ключ в двери. Я из кухни: «Тебе разогреть?» А сама я тем временем прикидываю, сколько минут ехать со склада. И слежу, куда он положит телефон.

— Я пока только про ближайшие десять дней, — сказала

я. — Ты можешь пожить у Андрея?

— Он в командировке.

— Значит, спроси, можно ли пожить у него, пока он в командировке.

— А ты?

— Я поеду.

Я сказала это прежде, чем подумала, смогу ли одна залезть в поезд с чемоданом, заснуть в купе, остаться в комнате с видом на улицу и не звонить ему через каждые двадцать минут. Комнату я договорилась снять у тёти Раи ещё в апреле. Море в Белых Скалах знала с детства и несколько лет туда не ездила. План был ходить с Денисом за хлебом к открытию рынка, днём никуда не спешить, на обратном пути купить Соне сушёной хурмы. День рождения я отпраздновала на работе с рулетом, а мужу предложила отметить на море. Тридцать девять. В прошлую пятницу Ирина вставила в рулет тройку и девятку. Обе свечки она хранила в кассовом ящике вместе с батарейками. Девятку я загасила со второго раза.

— Ты можешь остаться, я уйду уже сегодня, — сказал Денис. — Зачем тебе ехать туда одной?

Я посмотрела на тесто, которое расползалось в миске белыми лоскутками. Потому что, останься я дома, к вечеру я разложила бы его носки по парам. Мне надо было что-то делать руками. С этого я обычно начинала мириться.

— Потому что у меня отпуск, — ответила я.

Он предложил отвезти меня на вокзал. Я попросила дать

мне собраться одной. Он собрал рабочую сумку, снял с крючка куртку и вернулся за телефоном. Внизу хлопнула дверь подъезда. Я дошла до окна посмотреть, как он сядет в машину, но во дворе уже остались две свободные полоски асфальта, наша и соседская.

Я позвонила тёте Рае. Она была маминой школьной подругой, и с самого детства я ни разу не звала её просто по имени. Мама умерла, а тётя у меня осталась. Я спросила, можно ли приехать одной.

— На твоё имя ведь, — ответила она. — Смена простыней на шестой день. Если одна, сама решишь, надо ли. Он на работе застрял?

— У него другая женщина.

По тому, как долго Раиса молчала, я решила, что звонок оборвался. Потом она шумно втянула воздух.

— Вот дурак, — сказала она. — Поезд у тебя сегодня?

— В шесть двадцать.

— От вокзала автобус в десять сорок. Водитель сдачу с крупной не любит. Напиши, когда сядешь.

Последней по делу я позвонила Ирине. За четырнадцать лет в её студии я сменила три машины, два раскройных стола, а последние годы чаще держала в руках рулетку, чем ножницы. Вике теперь предстояло одной принимать у монтажников первый карниз с мотором. У Ирины над ухом как раз сверлили.

— Смета в синей папке, — сказала я, когда стихло. —

Ключ электрику оставили у охраны. Если что, звони ему, ладно?

Обычно я говорила «звони мне».

— Лена, всё нормально?

— Я в отпуск. Мне будет полезно.

— Поняла. Оставлю монтажникам номер электрика.

Она повесила трубку первой. Я ещё немного посидела с телефоном у уха.

Потом я пошла в магазин за маленькой палкой колбасы, яблоками и водой. За стеклом у прилавка стояла на ребре узкая доска. Продавщица положила её перед собой. Спросила, резать ли ломтиками. Я сказала, что мне в дорогу. Она отрезала половину, завесила и поправила край плёнки большим пальцем. Я подумала, что весь разговор с мужем занял меньше времени, чем если бы она сейчас нарезала всю палку.

Соня вернулась до пяти. Положила мне в чемодан два батончика и сказала, что ей нужна семейная фотография для какого-то задания. Я предложила ей выбрать из тех, что на компьютере. Она объяснила, что уже выбрала, и показала мне снимок с дачи. Мы втроём стояли перед ведром, в котором пытались отмыть собаку соседей. Пена стояла у Дениса на локте, у меня была подвернута только одна штанина. Собака в кадр не попала.

— Эту, — сказала Соня, — если можно.

— Конечно.

Слова «всё, что касается тебя, как было» стали казаться

смешными. Ей пришлось спросить, можно ли взять фотографию собственного отца. Я сказала, что поеду одна, папа пока поживёт у дяди Андрея, если они договорятся. После отпуска я решу, как дальше.

— А мне куда? — спросила она.

— Пока сюда, если тебе удобно. Никакого внезапного переезда у тебя не будет. Про папу можешь спрашивать папу, про меня — меня. Я начну с того, что послезавтра в десять сорок сяду в автобус, если найду мелкие деньги.

Соня взяла кошелёк с полки. Вытряхнула на кухонный стол две пятидесятки и горсть мелочи. Я хотела привычно отмахнуться, а она сдвинула их в аккуратную кучку, как будто сделала всё, что могла для моего отпуска. Я взяла одну пятидесятку и несколько монет. Мы обнялись. Из-за сумки у неё болело правое плечо, и она осторожно отвела его в сторону.

В такси я увидела от Дениса сообщение: «У Андрея. Позвони, пожалуйста, хотя бы когда сядешь». Мне хотелось ответить немедленно. Мы с ним всегда отзванивались с дороги. Вернее, я сообщала, где я. Он редко оставлял мой вопрос без ответа.

Я написала «доеду и сообщу Соне», а потом открыла билеты. С возвратом его места справилась ещё до вокзала. Моё было верхним. Я всегда брала верхнее и до сих пор говорила, что люблю там спать. Сначала это была правда. Последние года три я уже чувствовала колено всякий раз, когда подни-

малась по лестнице, и всё равно выбирала ему нижнее: он выше, ему неудобно.

Женщина у стойки на вокзале сказала, что в соседнем вагоне есть свободное нижнее. Сначала я прикинула разницу в цене. Потом представила, как вытяну ногу и поставлю бутылку воды у окна, и поменяла билет.

В купе пахло прохладной обивкой. Соседка отложила книжку в мягкой обложке, убрала со столика завёрнутые в газету яйца и сразу честно предупредила, что храпит. Чемодан мы вдвоём задвинули под полку. Сесть до отправления я не могла, ходила по узкой полосе перед окном, пока соседка наконец не сказала:

— Милочка, у нас же с вами два нижних. Хоть одну ногу куда-нибудь положите.

Я села на краешек, потом подвинулась к стенке. На перроне мужчина с двумя бумажными стаканчиками бежал рядом с девочкой. Он чуть не выплеснул кофе себе на куртку, пытаясь передать ей оба сразу. Мне пришло в голову, что я могла бы остаться дома, дождаться Дениса и предложить ему начать всё сначала. Спросить, что у нас было не так, купить другие кружки, ходить вместе куда-нибудь по четвергам. Ещё утром это было бы совершенно на меня похоже.

Телефон завибрировал в кармане. Я смотрела, как уплывает перрон. Мужчина успел забрать у девочки один стаканчик.

Глава 2. Обратный билет

Весь следующий день мы с соседкой провели в вагоне. Она действительно храпела, но только когда лежала на спине. Если во сне переворачивалась, в купе внезапно становилось так тихо, что я просыпалась. В полседьмого она развернула яйца, одно протянула мне. Я взяла и отблагодарила её яблоком. Оказалось, она везла внуку две книги из своей детской библиотеки и боялась, что он уже вырос из обеих. На обложке одной лежала тень от трещины в плёнке. Соседка спросила, есть ли у меня дети, и я рассказала про Соню. Про поездку сказала, что еду на море. В первый раз этого оказалось достаточно.

Днём на длинной стоянке я вышла за чаем. На другом конце платформы продавали бублики. Я успела дойти туда и вернуться, намотав на большой палец жёсткую бечёвку, на которую их нанизали. Рядом с вагоном мужчина держал две новые зубные щётки с рисунком на ручке. Женщина в окне показывала ему, как их разъединить. Он не понимал, и она протянула обе руки, прижавшись к стеклу изнутри. Обоим было смешно. Я целый день могла бы смотреть на что-нибудь другое, а запоминалось вот это. В купе разрезала верёвочку и на минуту осталась с бубликом в каждой руке.

От Дениса было два сообщения, оба про то, как он устроился у Андрея. На втором фото виднелась книжная полка

с коробкой от детских кубиков. Я сама подарила Андрею эти кубики, когда его сыну исполнилось два. Мальчик тогда уселся прямо на полу возле горы подарков, а Денис по одной открывал деревянные дверцы, чтобы ребёнку захотелось к нему подойти. «С полкой всё в порядке?» — написала я. Стёрла. Потом открыла наш семейный чат и поставила реакцию на фотографию чьего-то дворового кота. Это был самый простой жест, который могла прочитать только Соня. Через минуту она прислала мне другого кота, видимо, из духа противоречия. Мы до вечера молча пересылали друг другу животных.

К ночи соседка всё ещё читала. Она прикрыла лампочку со стороны моей подушки углом книги. Из темноты то и дело выныривал мальчишка на обложке, в высоких сапогах, с огромной собакой. Утром я попросила у неё книгу на последние сорок минут. Сапоги мальчик украл, собака оказалась чужая, а чем всё кончилось, мне так и не довелось узнать. Начались холмы. Я съела второй бублик, помогла соседке снять сумку.

В автобусе стояло ведро с красными гладиолусами. На первом же повороте оно поехало в проход, и водитель попросил придержать его ногами. Так я ехала до Белых Скал, обняв коленями ведро. Я уже и забыла, как тут возят цветы. У нас бы их завернули, перевязали, выдали бумажку «верх» и поставили отдельно. Здесь я успела узнать, что цветы для Лидии, у Лидии новая работа в библиотеке, а там, где рань-

ше была детская площадка, теперь магазин телефонов. Ведро у меня забрала девочка в форме музыкальной школы. Она выбежала у рынка, подхватив цветы обеими руками, и водитель только тогда полез за сдачей.

Тёте Рае я написала ещё на вокзале, а Соне — когда мы миновали бензоколонку с облезлым китом. За ночь Соня прислала фотографию кошки на клавиатуре и попросила перевести ей двести рублей за печать декорации. Ни про поезд, ни про отца не спросила. Я перевела деньги и ещё сто сверху, потом позвонила. Мы поговорили про кошку. В словах «папа приезжал за зарядкой» не было ни осуждения, ни желания меня утешить. Это сделало их неожиданно лёгкими.

Раиса ждала у зелёной калитки, придерживая рукой щеколду. Она рано поседела, всегда красилась в каштановый и каждый год грозилась отрастить своё. Теперь своё было сантиметров пять. Волосы она стригла так коротко, что видны были маленькие родинки за ушами.

— Посылка у тебя? — спросила она. — Сначала поставь чемодан. Я тебе пока буду рада, а потом посмотрим.

Она обняла меня так крепко, что картонка в пакете хрустнула. Я тут же полезла смотреть, что помяла. Там оказались семена, крышка от кофемолки и Сонина открытка с кособоким котом. У кота загнулось ухо. Рая провела по сгибу ногтем и поставила его на буфет.

— Летом у меня рамы рассохлись, а теперь заедают, — сказала Рая. — Пойдём покажу твоё окно.

Комната выходила на боковую улицу. На подоконнике стоял ночник с тяжёлой белой ножкой. Рая подложила под неё бумажный кружок, чтобы не царапал краску. От стены у шкафа тянуло сыростью. Жалюзи удалось поднять только наполовину, у себя дома я бы давно их сняла и повесила рулонную штору.

— Тут дождь с востока, — сказала Рая. — Под окном намокло. Обогреватель работает, в комнате оставляй дверь приоткрытой, когда уходишь. С полотенцами разобрались.

Она привела меня на кухню, положила на тарелку лепёшку с сыром и разрезала на четыре части. Я разом проглотила два треугольника, хотя с поезда хотела в основном спать.

— А ты как сама? — спросила я.

— Как молодая. К обеду узнаю, в каком боку.

Она вынула из подставки потрёпанную поваренную книгу, прижала к столу, вытащила мятый конверт и показала мне рисунок. На бумаге шла стена, потом три квадрата. После смерти её брата Михаила Рая взяла на себя двор с тремя хозяйственными помещениями, куда мы с мамой раньше ходили сдать куртку на перекрой или забрать стекло. Половину вещей там предстояло выбросить. Мишин сын платил ипотеку. На крышу они скинулись пополам, а ремонт стен Рая взяла на себя. Одно помещение занимал мастер по мебели. Во втором складывали остатки после прежнего арендатора. В третьем хранились ключи, веники и всё то, что ещё могло внезапно пригодиться.

— За склад я денег никогда не брала, — сказала Рая. — И теперь людям очень трудно понять, отчего начала. А электричество, как выяснилось, осталось за мной. С мамой ты сюда ходила?

— Она меня посылала через забор ключи отдать. От шторы в коридоре старый крючок отваливается, я заметила.

— А помнишь, как Нина уголки у штор складывала? Конвертиком. Я на твоём месте пока бы полежала.

Я легла поверх одеяла. Проснулась от собственного голоса: спросила Дениса, к скольким ему на склад. Поднесла к лицу телефон, увидела воскресенье. В воскресенье он всегда спал дольше меня.

Он позвонил первый. Я вышла на крыльцо, потому что в комнате ловило через раз.

— Ты знаешь, — сказал он, — Сонька хочет поехать на фестиваль с театром. Они там всему городу понадобились. Я спросил, хватает ли ей на дорогу.

— Хорошо.

— У Раи как, всё в порядке?

— Денис, чего ты от меня хочешь сейчас?

За забором у соседей с гладильной доски сняли чехол и вытрясли. Я узнала звук, с каким хлопает натянутая бязь. Мне было холодно, несмотря на солнце, и я всё переступала в носках с ноги на ногу.

— Привык слышать тебя, — ответил Денис. — Ты доехала, я хотел убедиться.

— Я доехала. Я тебя больше сегодня не выдержу. Если надо что-то по Соне, поговори с ней.

Дома я всегда что-нибудь добавляла напоследок. «Позвони к вечеру», если не успеваешь днём. «Можешь не перезванивать», когда ужасно хотелось. И сейчас чуть не спросила по привычке: «Ладно?» Удержалась. Денис сказал, что понял, и на этот раз сам положил трубку.

Я пошла к морю кружным путём, через рынок. Там убрали блины с прилавков, но ещё продавали помидоры, надрезанные у плодоножки, чтобы покупатель видел розовую мякоть. Ниже ветер взялся за мои волосы, за пакет, за пожухлый тополь возле лестницы. На берегу я дошла до мокрой полосы гальки и решила, что одна вполне могу залезть в воду в сентябре, но в юбке будет глупо. Оба купальника ждали в чемодане. Сидела на бетонном борту в пальто и держала ногой ручку пакета, пока море не перестало казаться чем-то, что я специально организовала нам с Денисом.

Под вечер Рая повела меня в свой двор. Дождь наделал по плитке коричневых луж, и она каждую аккуратно обходила, продолжая рассказывать, в каком месте положили новый кабель. За крайней дверью кто-то тянул наружу деревянный каркас. Я придержала створку, он поднял голову.

— Проход сама закроешь? — спросил он у Раи. — Если отпущу, каркас съедет мне на руку.

— Подсунь брусок. Это Лена, Нинина дочь. Илья.

Он повернул каркас на бок, вытянул две скобы плоскогуб-

цами и только после этого выпрямился. Был высокий, чуть сутулился и ходил в кожаном фартуке. Под правым карманом фартук кто-то чинил синей ниткой, заведя её поперёк старого шва. Разглядеть, ручная ли работа, я не успела. Он оглядел мою сумку.

— Если хотите поставить, на табурете клей свежий.

— Тогда лучше буду носить. Спасибо.

— Чашку взял? — спросила Рая. — Оставил вчера.

— Сейчас руки освобожу и заберу.

В средней комнате пахло фанерой, старой пылью и чем-то сладким. Там стояли столешница на козлах, раковина без крана и аккуратная куча обломков белого кафеля. Ещё металлический стеллаж, весь в скотче и наклейках, где зелёный цвет мог означать как «оплачено», так и «брать руками осторожно». Большое окно смотрело в дальний конец двора. Мимо ходили к контейнерам. Достаточно прикрыть нижнюю половину окна, а сверху пусть падает свет. Я отметила это и только потом сообразила, что Рая мне пока ничего не предлагала.

На окне металась короткая холщовая занавеска в полоску. Нижний угол был распорот, махрился. Я взялась за первый зажим и остановилась. Мама прежде всего спросила бы у хозяйки. Я так и сделала.

— Да чини на здоровье, — сказала Рая. — Эта с прежней кухни, в ней уже две заплаты. Я бы вообще отрезала всё по кругу.

В сумке у меня была плоская коробка от конфет с иголкой, маленькими ножницами и мотком суровой нитки. Она лежала там с той поры, когда дочке в школьном туалете пришлось пришивать пуговицу на белой блузке. Я нашла снаружи свободный табурет и распустила нижний шов дальше, до целого края. Илья выносил каркас обратно. Скобы падали в плоскую жестяную банку, которую он нёс с собой, чтобы никто не проколол колесо. Когда я взялась за самый угол, он придержал открытое окно, чтобы не дуло мне на руки.

— Вам свет дать? — спросил он.

— Дневного хватит.

— Тогда ставня вот так.

Он распахнул ставню пошире, и солнце легло на холст. Нити на заплате, совсем невидимые в комнате, проступили рыжим. Я узнала мамину штопку. Один стежок покрупнее, два маленьких. Она в игольное ушко без очков уже не попадала, но ткань рукой чувствовала. Игла прошла холст насквозь и уколола меня в палец.

Илья придержал ставню. Я прижала к пальцу платок, дождалась, пока перестанет сочиться кровь, и закрепила нитку за старой маминой штопкой. Когда повесила занавеску на место, увидела, что с другого края холст тоже расползается. Сняла ещё раз.

— А вы только своё или берёте со стороны?

Голос был сзади. Молодая женщина в зелёных резиновых сапогах держала банку кофе и пакет, откуда торчал голый

стебель комнатного растения. Она представилась Милой из апартаментов через дорогу, привезла Рае отросток в подарок и заодно хотела занять стремянку. Ей требовалось что-то сделать со шторами. Гости задевали низ чемоданами, на шторах разошлись швы. Окна все чуть разные. Покупать готовые на весь дом Миле было накладно.

— Смотря какая ткань и что под ней, — сказала я. — Можете показать.

— По телефону устроит?

— Лучше там. Если возле стены сыро, подберём другую ткань. А может, достаточно карниз от стены отодвинуть.

Она приняла это всерьёз, развязала одну ручку пакета и дописала номер на бирке из-под растения. Назавтра до двенадцати в комнатах никого. Мила спросила, сколько стоит выезд. Я уже собиралась ответить «ничего» и вспомнила, что отвела под отпуск десять дней. Пока я не знала, от чего они меня освобождают. С другой стороны, сколько ещё раз за эти дни мне предстояло проверить свой обратный билет?

Я сказала, что в десять приду с рулеткой, за осмотр возьму пятьсот рублей, а если закажет работу, вычту их из цены. Мила кивнула и ушла вместе с Раей искать стремянку. В комнате стало тихо, даже дверь не хлопала. Илья опустил ставню.

— В вашей комнате у Раи окно с одной петлёй или с двумя? — спросил он.

— С двумя. Почему?

— Она просила посмотреть, где клинит. Договаривались на вторник. Если будете там, удобнее с утра или после четырёх?

— После четырёх.

Время он записал на обрезке малярной ленты и прилепил её к фартуку. Пока он боком выносил каркас, я успела увидеть ещё две записи. Одна, почти стёртая, гласила «сметана». До закрытия рынка оставалось полчаса. Я пошла покупать рулетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.